

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жуковский и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

А.А. Казаков

**Статья В.А. Жуковского «Нечто о привидениях»
в творческом сознании Ф.М. Достоевского**

В силу «масштаба личности <...>, размаха его деятельности, литературно-художественной и общественно-просветительской»¹, В.А. Жуковский, стоящий у истоков золотого века русской литературы, оказывает существенное воздействие на всё развитие русской словесности – какими бы разными ни были последующие писатели, какие бы причудливые формы ни принимал в дальнейшем литературный процесс.

Для здравого смысла очевидно также, что в разных художественных мирах рецепция наследия Жуковского происходила по-разному, но в данном случае эта специфика и сами методологические основания её выделения – нечто, содержащее в себе серьёзную научную проблему.

Предметом данной небольшой работы станет частный, но очень выразительный факт, содержащий указанную проблематику и отражающий непростой и даже парадоксальный характер литературной преемственности по линии Жуковский – Достоевский.

Любому исследователю и даже просто читателю очевидно, что, несмотря на безусловно пиететное отношение Достоевского к Жуковскому, безоговорочное признание его в качестве авторитета и «отца-основателя», миры этих художников очень разные, и прямого ученичества и продолжения литературной традиции Жуковского в мире Достоевского мы не найдём.

Обычно исследователи указывают, что творческий мир Жуковского, не совпадая с миром Достоевского по своим интонациям, помогает русскому прозаику выстроить такую важную область его художественной вселенной, как идеал. Это то самое идеальное, возвышенное, гармоническое, которого так не хватает в болезненном, искривленном мире фантастического реализма и которое оказывается главным предметом чаяний и устремлений. Как очень точно указано исследователями, имя Жуковского должно по праву стать рядом с именем Шиллера (который у Достоевского всегда в переводе русского романтика), когда мы говорим об образе идеала у великого романиста². Кроме того, влияние Жуковского можно увидеть в образе мечты и мечтателя у Достоевского³. Такие направления преемственности в целом созвучны с неким обобщённым образом наследия Жуковского, царящим в культурной памяти.

Но в данной работе хотелось бы обратиться к очень необычной точке соприкосновения Жуковского и Достоевского, в которой доминируют искривлённость и гротеск в стиле Достоевского: некоторые совре-

менные исследователи (например, Б.Н. Тихомиров⁴) указывают, что одним из возможных источников знаменитых парадоксальных размышлений Свидригайлова о призраках⁵ является статья В.А. Жуковского «Нечто о привидениях».

В последнее время исследователи Жуковского неоднократно обращаются к этому материалу, указывая на большое его значение в контексте нравственно-философских поисков и духовной публицистики русского поэта⁶. Можно утверждать, что идеи этой статьи сыграли свою роль и в творческих поисках Достоевского.

Мы пока не располагаем документальными свидетельствами, подтверждающими факт знакомства Достоевского с этой статьёй, более того, время публикации этого материала (1856) совпадает с моментом относительной оторванности прозаика от литературного процесса и журнальных новинок – в силу известных обстоятельств его биографии. Б.Н. Тихомиров доказывает связь указанного эпизода «Преступления и наказания» и публицистической медитации Жуковского, исходя из очевидных содержательных переключек: вопрос о грани между субъективной видимостью и реальностью существования привидений и духовного мира вообще, болезнь визионера как условие проникновения в нематериальный потусторонний мир, а не как факт, компрометирующий достоверность видения; наконец, мелкие частные детали, например мотив шороха платья в одной из историй Жуковского и в сцене явления покойной жены Свидригайлова и т.д.

Романы Пятикнижия и «Дневник писателя» свидетельствуют, что Достоевский был достаточно хорошо знаком с публицистикой Жуковского конца 1840-х – 1850-х годов⁷ (несмотря на оговоренное выше отлучение Достоевского от актуального литературного и публицистического процесса этого времени).

Проблема реальности привидений будет продолжена в дальнейшем творчестве и публицистике Достоевского в связи с темой спиритизма. Как указывает И. Веницкий, статья Жуковского тоже находится в напряжённом диалоге с этим явлением⁸. Для Достоевского спиритизм есть нездоровое порождение века материализма, когда духовный мир начинает интерпретироваться по законам чувственно-материального. Отношение Жуковского к спиритизму более сложное, но конечный вывод тот же: истинная вера в материальных (или уподобленных им спиритуальных) доказательствах не нуждается⁹. И в этом направлении мы можем видеть линию возможной преемственности в нравственно-религиозных поисках двух художников: вспомним, какую роль этот подход к вере играет в мире Достоевского, особенно в «Идиоте» и «Братьях Карамазовых» (например,

размышления об апостоле Фоме в «Братьях Карамазовых»: когда он поверил, после того как «вложил персты» или до).

Следует заметить, что в версии Свидригайлова господствует материализация духовного¹⁰.

Такого рода искажение пафоса статьи Жуковского – как и сам факт передачи этих идей именно такому персонажу, как Свидригайлов, – всё это ещё требует осмысления. Но приведённого материала достаточно для того, чтобы принципиально усложнить наше представление о рецепции наследия Жуковского в дальнейшей истории русской литературы и в частности в мире Достоевского.

Русский романтик оказал влияние не только на образ идеала и мечты в творчестве Достоевского. След Жуковского можно найти и в гротесковых парадоксах великого романиста, которые обычно связываются исключительно с неповторимой творческой манерой последнего и его уникальным духовным опытом.

Примечания

¹ *Канунова Ф.З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 3.

² *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский в мире Достоевского // Достоевский и время: Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 75–76.

³ Там же. С. 75–80.

⁴ *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 279–281.

⁵ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6. С. 218–221. «Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну и чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и сопрякосновений с другим миром больше <...>» (С. 221).

⁶ *Виницкий И.* Нечто о привидениях Жуковского // НЛО. 1998. № 32 (4). С. 147–172.

⁷ См.: *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский в мире Достоевского // Достоевский и время: Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 76.

⁸ *Виницкий И.* Указ. соч. С. 147–172.

⁹ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб: Изд. А.Ф. Маркса, 1902. Т. 10. С. 95–96.

¹⁰ Об общей материализации и профанации мотивного контекста статьи Жуковского в монологе Свидригайлова см. также: *Тихомиров Б.Н.* Указ. соч. С. 280–281.